Русские в Австралии

Мы продолжаем публикацию перевода глав из книги Елены Говор *My Dark Brother*. Перед тем как попасть в Австралию, где теперь живут их потомки-аборигены, семья Ильиных – Николай, Александра и их дети Леандро, Ромелио и Ариадна – оказались в Аргентине.

Елена ГОВОР

Мой темнокожий брат:
История Ильиных, русско-аборигенской семьи
От фермы к колонии

В горах Патагонии

Вода горного ручья, прокладывавшего свой путь среди скал, была прозрачно-зеленой и обжигающе холодной. Николай любил останавливаться у этого ручья, возвращаясь домой из охотничьих экспедиций к озеру Футалауфкен. Ручей начинал свой путь в ледниках, у вершин Анд, и оттуда вместе со своими многочисленными собратьями он устремлялся вниз, по восточному склону гор; внизу, в долине, ручьи сливались, образуя реки Рио Футалеуфу и Рио Елчо, которые текли на запад, в Тихий океан. Согласно договору между Аргентиной и Чили разделяющая их граница должна была проходить по гребню Кордильер в соответствии с водоразделом рек, текущих в восточную и западную сторону. Но причудливые пути этих горных ручьев, которые, петляя, текли в обоих направлениях, стали причиной пограничного конфликта между Аргентиной и Чили и чуть не стоили жизни Ромелио – если бы не Ариадна, ему было бы не сдобровать.

Когда семья Николая приехала к нему из России в 1897 году и поселилась здесь, на восточных склонах Кордильер, но к западу от водораздела, это была ничейная земля. Тот факт, что Николай имел аргентинское подданство, сыграл решающую роль в пограничном конфликте и дал основания аргентинскому правительству продвинуть свою границу на 50 миль к западу от водораздела, где располагалось ранчо Ильиных, на том основании, что эта территория уже занята аргентинскими подданными. Жизнь на земле, ставшей камнем преткновения между двумя государствами, научила Ильиных действовать быстро и решительно.

Сэм Макай, внук Ариадны, рассказывает о том, что произошло в 1905 году: «Однажды появился чилийский солдат верхом на лошади. Он увидел Ромелио, работавшего в поле, и, вытащив саблю, направился к нему… Ариадна, ей тогда было всего 15 лет, бросилась домой, чтобы взять оружие для Ромелио, но когда она вернулась, солдат уже готов был убить Ромелио, тогда Ариадна вскинула ружье и застрелила солдата».[1] На войне как на войне…

Но сейчас, глядя на зеленые бурные воды ручья, Николай не думал о предательском мире людей; его сердце наполнялось ничем не сравнимым чувством: стихотворение, бившееся в нем, вот-вот должно было облечься в слова. Годы назад, когда он бежал из России, он написал стихи как бы предчувствуя, что однажды в его жизнь войдут эти горы:

Заброшенный, в горах, напрасно будешь ты
Искать себе успокоенья.
Забыть ли прежних лет мечты?
Забыть ли прежних лет стремленья?

Как вырванный цветок, подхваченный волной,
К скале бесплодной не пристанет,
Так и в твоей душе истерзанной, больной,
Величье юности погаснет и завянет.[2]

Этот безымянный ручей, который из века в век прокладывал свой путь среди каньонов, открыл ему новую истину. На безмолвный вопрос поэта:

Скажи, зачем поток безумный
Среди теснин и грозных скал
Волною пенистой и шумной
Ты путь рискованный избрал?
…
Не все ль равно – с волной морскою
Свои ты волны должен слить.
К чему ж с надеждой роковою
Утесы пеною кропить?

Сегодня ручей принес ему ответ:

Не страшны мрачные громады –
Волна их смоет без труда.
Путям к свободе – нет преграды;
Кто ж на пути – тому беда!
…
Я сил противника не мерил,
Вперед, вперед бегу волной.
В свои всечасно силы верил,
И будет торжество за мной.[3]

«Путям к свободе – нет преграды», повторил Николай, и в этот момент он верил – что бы не произошло там, в прошлом, его

жизнь не была ошибкой. Сегодняшний привал у ручья стал для него моментом духовного прозрения и возрождения.

Недавняя поездка Александры в Россию явилась для них обоих тяжелым испытанием. Она поехала навестить их старшую дочь Марию, которая вышла замуж за инженера Вильгельма Петерсена и осталась в Петербурге. Теперь у Марии было двое дочерей – Тоня и Валя. Когда, после года в России, Александра вернулась в их пастушью хижину на склоне Анд, они с Николаем поняли, что теперь корабли сожжены навсегда:

Я средь русских, в родном мне кругу,
Оказалась почти иностранка
И на родине жить не могу, –

писал он от ее имени в своих стихах. И все же иногда – в мечтах – он летел на далекую родину, где остались несбывшиеся мечты его юности, его старшие дети и могила его маленького Картерия:

Там, перед детскою могилой
В стране далекой, но родной,
Где опочил ты, птенчик милый,
Желал бы быть и я с тобой…[4]

Но сейчас его личная трагедия навсегда покинутой родины предстала перед ним как нечто большее, чем банальная растрата денег, из-за которой он бежал из России – нет, причина была в конфликте с официальной Россией, с Россией Понтиев Пилатов. Он действительно верил в это, ведь не случайно в его стихах появились строки:

Я бы мог лишь строкой покаянной
Все удобства себе воротить.

Нет, он не станет «просить пощады» у «окаянного врага». И теперь ему не оставалось ничего другого, как воспевать свою новообретенную свободу:

Что вам за дело, кто я такой?
Был бы я духом свободен…[5]

Не может быть, говорил он себе, глядя на стремительный бег ручья, что его стремление к свободе и справедливости было пустой химерой, однажды его борьба увенчается успехом, пусть не в его жизни, но хотя бы в жизни его детей и внуков.

Это ощущение свободы пришло к нему не сразу. Николай не любил вспоминать о пережитом в первые годы после бегства из России. Сначала он оказался в Швейцарии. Здесь нашли приют многие русские политэмигранты, люди разных политических убеждений. Однако, проведя там некоторое время, он почувствовал, что его затягивает болото их разногласий, его положение осложнялось к тому же хроническим безденежьем. И в этот момент пришло как спасение предложение отправиться в Аргентину изучать состояние еврейских колоний, созданных там при поддержке барона Гирша. Предложение было от Осипа Нотовича, издателя газеты «Новости», которая в глазах русской демократической интеллигенции не пользовалась большим уважением; тем не менее Николай согласился на это предложение. Аргентина нуждалась в фермерах, и Еврейское колонизационное общество, учрежденное бароном Морисом Гиршем, промышленником и филантропом, стремилось переселить туда евреев, притесняемых в России, и сделать из них фермеров. Эта новая сфера деятельности должна была создать для них и новую жизнь – изобильную и достойную, свободную от унижений и притеснений, испытанных ими в старом свете. Николаю предстояло стать летописцем этого эксперимента в первых молодых колониях – Морицио на юго-западе от Буэнос-Айреса и Мойзесвилль к северу от Санта-Фе. «С Нотовичем он скоро, однако, разошелся и оставшись без средств к жизни, начал – по его выражению – свои бесконечные мытарства: работал в порту, фермером, странствующим фотографом, разносчиком галантереи», – рассказывалось об этом периоде его жизни в его краткой биографии[6].

И все это время его не покидала мысль об Александре, которую он оставил одну с оравой детей в Петербурге. В минуту отчаяния он послал ей свою фотографию – печальное и постаревшее лицо со взглядом, обращенным внутрь себя – и с надписью на обороте:

Под приветным солнцем юга
Сиротлив и одинок,
Моя верная подруга,
Ждет твой загнанный челнок.

Еще снасти не разбиты,
Еще крепки паруса,
Непогодой лишь закрыты
Горизонт и небеса.

Но лишь только дрогнет парус,
Ветр коснется челнока,
Как с энергиею новой
Повернет его рука.

И надежды светлой полон
Изберет он путь другой…[7]

Мятежный парус его юности, выброшенный бурями житейского океана на чужой берег, все еще, подобно лермонтовскому одинокому парусу, ждал благодатных бурь жизни... И Саша, его единственный верный друг, в далеком Петербурге, поняла, что его надо спасать, спасать от себя самого, и послала в ответ ему их главное достояние – 12-летнего Леандра с деньгами, которые ей удалось наскрести, завязанными в мешочек. Обманутый и ограбленный женщиной, с которой его отправили на корабле, мальчик тем

не менее добрался до Аргентины, разыскал там своего отца и спас его. Годы спустя, в качестве героя поэмы Николая «Отец и сын», он, глядя на свою жизнь, скажет отцу:

Но эти чистые заветы
Еще с младенчества во мне
Тобой и матерью согреты,
И мутной жизненной волне

Их не унесть в своем порыве,
Как не увлечь напору волн
При убегающем отливе
Прикованный к граниту челн.[8]

И это будут не просто слова – челноки, которые поведут по жизни его сыновья, найдут в ней верный курс, в отличие от мятежного лермонтовского паруса...

Но пока, по отзыву самого Николая, его «не по возрасту настрадавшийся мальчик» делил с отцом все, что выпало на его долю. «Имея маленький фотоаппарат, мы под тропическим зноем странствуем пешком, не зная языка, по почти пустынным пампа[са]м, посещая полудиких "гаучо" и предлагая свои услуги. Часто дни проходят без куска какой бы то ни было пищи, и мой мальчик мужественно замалчивает свой голод. Часто изнеможенные от усталости и жары мы ложимся в голой степи, укрывая голову тенью нашей ручной тачки, и только холодная ночь освежает и возвращает нас к жизни».[9]

Но в конце концов и к ним пришла удача. Николай, имевший прекрасное, по аргентинским стандартам, образование и знавший языки, смог наконец-то найти «чистую» работу библиотекаря и помощника начальника антропологической секции Ла-Платского музея. Этот музей был одновременно и научным институтом; доктор Франциско Морено (1852-1919), его основатель и директор, был специалистом в области географии и большим энтузиастом освоения обширных, еще неисследованных районов западной Патагонии, и заразил этим интересом и Николая.

В Ла-Плате, тихом культурном центре на берегу океана, все напряжение, испытанное Николаем на протяжении последних лет, вылилось в поэтический взрыв. Он написал «Восточную легенду», основанную на фольклоре Туркестана, который он так полюбил во время жизни там. Это было возвращение в дни его молодости, в те дни, когда загорелась его и Сашина любовь. Поэма была опубликована в «Туркестанском вестнике» и даже выдвинута на Пушкинскую премию, но, вспоминал годы спустя Ромелио, «главный критик и судья Короленко сказал: "Красивые легкие стихи, видно сильное влияние Лермонтова, но сюжет устарел"».[10]

И наконец в июне 1897 года на корабле «Мендоза», к нему приехала сама Александра вместе с десятилетним Ромелием и семилетней Ариадной. Вместе с ними была и таинственная Мария Ильина, 32 лет – тезка их дочери, оставшейся в Петербурге. Дело в том, что Николай прислал билет для всей семьи, включая и Марию, но к тому времени, когда они получили билет, Мария уже вышла замуж и решила не ехать. «Билет сестры остался, – вспоминал Ромелио, – моя мать, не говоря по-немецки, подарила билет Лидии Алексеевне Леман (Лашеевой, девичья фамилия), говорившей на немецком, [для поездки] на немецком пароходе». Лидия Леман, литератор, мать десяти детей, была женщиной незаурядной. В Аргентину она отправлялась изучать еврейские колонии, и из воспоминаний Ромелио следует, что ее знакомство с Николаем закончилось конфликтом – она, якобы, опубликовала его рассказ о переходе границы, о его побеге из России, под своим именем.[11]

Мария, дочь Николая и Александры, оставшаяся в России.

Но главное было не это, главным было воссоединение Николая со своей утраченной семьей. В воспоминаниях Нелли, дочери Ариадны, все еще слышатся отзвуки волнения тех далеких дней:

«И вот наконец моя бабушка получила разрешение и приехала в Аргентину. Там были

люди, которые помогли ей, потому что они знали моего отца.[12] Они где-то ее поселили. Моей маме в то время было семь лет. Однажды она подбегает к моей бабушке и говорит, что по улице идет человек, который похож на ее папу, которого она видела только на фотографиях. «Это должно быть он, это должно быть он», – твердит она. Тогда моя бабушка выбежала на улицу и это действительно был он. Вот так они и встретились снова».[13]

Ариадна, Ромелио и Леандро (имена мальчиков приняли теперь испанскую форму) – это было все, что уцелело от их большой семьи. Старшие дети – Иван, Сергей и Мария – остались жить в России, двое младших – Картерий и Вера – навсегда упокоились в ее земле.

Некоторое время они наслаждались жизнью в Ла-Плате. Иметь чистую, интеллектуальную работу было редкостью для русского иммигранта в Аргентине – большинство русских здесь добывали свой кусок хлеба в качестве чернорабочих. Но эта спокойная, комфортная жизнь была не для Николая, и мятежный парус вновь позвал его в путь, навстречу бурям...

Николаю претила аргентинская диктатура и анти-демократическая государственная система. Объясняя свое решение сняться с места, он писал: «Убедившись, что не стоило оставлять свое отечество, чтобы жить на чужбине в этих условиях, я удалился с семьей в дикие Анды Патагонии, где правительство обещало с целью населить эти пустыни, дать даровые участки всем тем, кто за свой счет туда поедет и там поселится».[14] Но, возможно, этому новому переезду была и другая причина – необходимость спрятаться от тех таинственных врагов, о которых вспоминала Нелли, а может быть и – от самого себя.

«Цыгане, право слово цыгане», смеясь приговаривала Александра, помогая закрепить на арбе, которую повезут волы, сундук с книгами и рукописями Николая – их она вывезла из петербургской квартиры. На этой арбе с огромными колесами они и совершили путешествие через полконтинента. Пампасы, напоминавшие Николаю русские степные просторы, окружавшие его Ильинку в России, сменились бесконечными сухими полупустынными плато, постепенно повышавшимися к западу. Убогие хижины местных пастухов, слепленные из соломы, смешанной с грязью, в которых они останавливались на ночлег, почти не защищали их от сильных ветров, поднимавших тучи пыли и песка. Но они учились применяться к образу жизни гаучо, которые питались бобами и кукурузой, заправленными маслом, пили травяной чай «мате», спали на земляном полу, покрытом овчинами с брошенным поверх пончо. День за днем они продолжали двигаться на запад, в сторону Анд, возвышавшихся на горизонте, в сторону своей новой Земли обетованной. Наконец они дошли до Эскеля, маленького городка, возникшего на границе европейского продвижения, в верхнем течении реки Чубут. Оттуда они отправились на юго-запад, в сторону уэльской колонии Тревелин. Уэльсцы, притесняемые англичанами у себя на родине, бежали сюда, на эту пустынную землю, в надежде сохранить свои язык и культуру. Здесь они появились лет за пятнадцать до приезда Ильиных; теперь, в конце XIX века, они превратили свой поселок в цветущий оазис.

Ильины взяли землю к югу от уэльской колонии, в долине бурной горной реки Корковадо, у подножья Анд. Девственная природа во всем своем могуществе и красоте вселяла мир и покой в измученную душу Николая. К западу высились горные цепи, увенчанные вечными снегами, с разбросанными между ними вулканами. Крутые склоны гор были покрыты вековыми деревьями-араукариями; кедры и заросли бамбука перемежались с лиственными лесами, и осенью листва деревьев горела золотом и багрянцем. Первозданно красивы были и горные ручьи, водопады, ледниковые озера с изумрудной зеркальной водой. Ныне этот живописный пояс лесов и озер, протянувшийся по восточным склонам Анд, известен как Аргентинская Швейцария, многие участки его стали национальными парками.

На карте, взятой из Google, видно, что места, где жили Ильины, все такие же дикие. Корковадо находится в долине, внизу; Тревелин – в верхней части карты. Слева – граница с Чили и перевал через Анды к Тихому океану.

Ильиным же на первых порах было не до красот – надо было выжить в этом диком краю. Николай с сыновьями срубили хижину – зимы здесь были почти такие же холодные, как в России. У соседей купили скот – несколько лошадей, коров и овец, посадили огород и разбили сад, и повели «пастушескую

и полную приключений жизнь», как о ней позже отзывался сам Николай.[15] Действительно, о чем ему не надо было здесь беспокоиться, так это о том, что его дети вырастут «ходячими манекенами». Жизнь на фронтьере, на границе европейской цивилизации предоставляла им прекрасную возможность развить свои способности и проявить их в полной мере.

Хотя Ильины и ценили образование, они никогда не были рабами формы. В Петербурге, когда Александра осталась одна с детьми, зарабатывая на пропитание иглой, она нашла оригинальный способ, как дать детям образование, не посылая их в дорогостоящую гимназию. У нее столовались студенты университета и технологического института, которые, в обмен на обеды, рады были давать уроки ее детям. В Аргентине на первых порах учитель помог им овладеть испанским языком, но теперь Николай сам занимался с детьми русской литературой и историей, которые он мог преподносить им в духе демократических традиций.

В 1967 году 80-летний Ромелио написал письмо советскому журналисту Юрию Ясневу. Хотя он и не был в России 70 лет и все эти годы жил в иноэтничной среде, Ромелио свободно и выразительно пишет на русском языке, по всем правилам старой орфографии. Видно, что русский язык для него – родной, его словарный запас чрезвычайно богат, это отнюдь не «кухонный» русский иммигранта. Письмо наполнено цитатами из стихов Лермонтова. Здесь и элегические «Тучки небесные, вечные странники», и мистическое «Выхожу один я на дорогу», и стихотворение, перед которым Ромелио «преклонялся» – «В полдневный жар в долине Дагестана». Он часто путает слова, но видно, что эти стихи, заученные на слух, от отца, он пронес в своем сердце через всю свою жизнь. Например, последняя строфа стихотворения «Тучи»

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания

запомнилась Ромелио совсем по-другому – тучки бегут от вечно холодных и голодных русских нив и говорят поэту:

Нет! Нам наскучили нивы бесплодные!
Вечно холодные! Вечно голодные!
Нет у нас родины, нет нам изгнания.

Тема изгнанника, парящего в неком метафизическом пространстве над родиной, от которой он отлучен, и над самим собой, нынешним, пронизывает все эти стихи. И даже лермонтовское стихотворение «Смерть поэта» связывается в сознании Ромелио с той же темой борца-изгнанника. Комментируя допрос Лермонтова Бенкендорфом, после того, как «это стихотворение, как молния, обежало весь Петербург», он заключает, что Лермонтов, изгнанный именно из-за этого стихотворения на Кавказ, и написал свои знаменитые «Тучки небесные, вечные странники».[16] Две лермонтовские ссылки слились в одну, но это именно тот миф, который помогает сохранить самое важное, выделяя его из жизненного потока. Да, их Кавказом стали Анды, и именно здесь, среди гор, а не в казенном гимназическом классе, Ромелио впитывал от отца эти стихи, впитывал на всю жизнь…

Сыновья Николая, оба разделявшие его стремление к правде и справедливости, выросли разными. Бойкий Леандро, экстраверт, всегда был в движении, всегда был устремлен в мир за пределами дома. Более мягкий и сентиментальный Ромелио, интроверт, был больше привязан к дому и семье. Что же до Ары (Ариадны), то не имея перед собой других примеров, кроме своих братьев, она росла настоящим «колониальным» сорвиголовой. Нелли рассказывает о ее юности:

«Моя мать научилась ездить на лошади и стрелять, она не расставалась с ружьем, потому что там было много пум. Любое дело, которое делали мужчины в тех краях, было и ей по плечу. Однажды моя бабушка и мама поехали навестить соседей, а ближайшие соседи жили за много километров от них. Когда они возвращались, началось наводнение, река возле них разлилась и они не могли переправиться, так глубоко там было. И вот они застряли на том берегу, а дом был на этом. У них не было с собой никакой еды, тогда они пристрелили одну из лошадей и так они прожили целую неделю, питаясь ее мясом. Только через неделю вода спала настолько, что они смогли переправиться через реку и добраться до дома.

Мой дедушка раз в год ездил в Буэнос-Айрес, он отвозил в ботанический сад образцы разных редких растений. Однажды он взял с собой мою мать, ей тогда было лет двенадцать. В том году зима пришла очень рано, они возвращались домой на лошадях и было ужасно холодно. Ночью он заворачивал ее в одеяло и со всех сторон засыпал снегом, утрамбовывал его и таким образом она спала в тепле. Но однажды ее лошадь поскользнулась и упала и моя мать сломала ребра и ногу. Ну что ж, он вправил ей кости, завязал и они благополучно добрались до дома».[17]

Как ни неправдоподобно звучат эти рассказы, сохранилась фотография, снятая в Буэнос-Айресе в ту знаменательную поездку. На ней двенадцатилетняя Ара с отцом. Точно так же когда-то Николай взял юного Леандра с собой в Америку, точно так же однажды Леандро возьмет с собой свою дочь-аборигенку Флору перегонять скот через Австралию, а дети Ары пересекут на мулах дикий Гондурас.

Кроме сбора растений Николай часто охотился в горах вместе с сыновьями. Генри, его внук-абориген, вспоминает, что Николай работал для музеев и как таксидермист. Но если для Николая охота с детства была своеобразной компенсацией недостатка эмоциональных впечатлений в окружающей его провинциальной жизни, его сыновья подходили к ней более прагматично. Продажа меха была хорошим способом заработать немного денег. Леандро, например, добывал лис кульпео с помощью капканов. Но как только жизнь на их ранчо в долине Корковадо наладилась и подросший Ромелио смог помогать Николаю с их стадом, Леандро осуществил свой давний замысел – перейти через Анды и дойти до Тихого океана. Он подрядился перегонять через горы, на чилийские рынки скот, стада овец, а также проводить караваны мулов, груженных шерстью. Их соседи, уэльсцы, хозяйство которых успешно развивалось, были рады доверить ему эту работу. «Я много путешествовал, и иногда очень медленно, – писал Леандро годы спустя в Австралии, – иногда эти походы через пустыни длились пять месяцев, а раз я шел через Анды десять месяцев подряд, на одних и тех же лошадях». По горным тропам, среди вулканов и ледников, через незаселенные, сухие западные склоны чилийских Анд он прокладывал путь до Пуэрто-Монт, а оттуда на север, к озеру Льянкиуэ, к чилийским рынкам Вальдивия и Темуко.

Горные леса сменялись желтоватыми скалами и альпийскими лугами с неправдоподобно ультрамариновыми озерами; даже шапки ледников на горах тоже казались голубоватыми. Черно-белые кондоры, размах крыльев которых достигал трех метров, парили часами над медленно передвигавшимся караваном Леандро. Рыжеватые, пугливые гуанако грациозно замирали на скалах, а потом стремительно неслись вниз. Долгими ночами свет его костра отпугивал пум, и Южный Крест показывал нужное направление. И наконец приходило утро и снежные хребты рдели в лучах восходящего солнца, наполняя его сердце восторгом и – одиночеством. Леандро никогда не подвергал сомнению то, что делал его отец, но иногда ему казалось, что он с радостью бы отдал всю дикую красоту этой чужой земли за один день в сосновом лесу его детства, около их дачи на Сиверской, под Петербургом, среди родных и друзей.

Иногда Леандро отправлялся на восток, в сторону Атлантического океана, через бескрайние прерии, где никогда не утихал ветер. Он писал, что был хорошо знаком с южными районами Аргентины и всеми портами на побережье Патагонии. Из Буэноса-Айреса он отправлялся вверх по Рио Парана к Росарио, Санта-Фе, Виктории, Корриентес, Пасадас, Мисьонес – на тропический аргентинский север, а оттуда его путь лежал в соседние Уругвай, Парагвай и Бразилию.[18]

Чтобы выжить во время этих тяжелых переходов, Леандро приходилось применять на практике демократические идеалы Николая, который верил в равенство всех людей и учил своих детей уважать образ жизни разных народов. Многому Леандро научился у местных индейцев техуэльче и араукан (мапуче), последние жили и на чилийской стороне Анд. Он всегда ел то, что ели местные люди и не воротил нос ни от чего – ни от конского мяса, ни от маиса. Незаметно Леандро и Ромелио приняли стиль жизни гаучо, – будь то их аргентинский испанский, ставший для них вторым родным языком, искусство владения лассо и бола, местная одежда и пристрастие к песням под мандолину, на которой они выучились играть. Да, они предпочитали быть простыми гаучо, а не европейцами-иммигрантами. Леандро по душе была расовая терпимость, характерная для сурового патагонско-чилийского пограничья. Англичане были единственными, кто не соблюдал этих неписанных правил. Годы спустя Леандро писал: «В Южной Америке я видел англосаксов, которые прожив в стране 30-40 лет и нажив там огромные состояния, не могли говорить по-испански, называли аргентинцев «пеонами» и «нигерами», были заправскими расистами».[19]

Николаю было не так просто принять окружающий стиль жизни и окружающий мир. Его одержимость справедливостью никогда не покидала его, даже на склонах Анд. Годы спустя он рассказал в австралийской газете об одном из таких столкновений.

«Многие годы я, будучи натурализовавшимся аргентинским подданным, жил в провинции Чубут, за сотни миль от цивилизации. Зная испанский язык, я писал в либеральные газеты в столице (Буэнос-Айрес) и сообщал без стеснения обо всех злоупотреблениях местных властей (а их было много), которые чувствовали себя в полной безнаказанности, будучи так далеко от центральных властей. Однажды у нас появился полицейский с ордером на мой арест от местного «коммиссарио» (шерифа), причем причина ареста не была указана. Полицейский доставил меня за 60 миль на полицейскую станцию. Мой старший сын отправился вслед за мной и немедленно послал телеграммы министрам и президенту республики, указав им, что согласно параграфу 20 конституции власти не имеют права никого держать под арестом более суток, и что никто не может быть лишен свободы больше, чем на сутки, без судебного следствия. Через несколько часов по телеграфу пришло распоряжение освободить меня, «коммиссарио» был снят с поста и вместо него назначен новый».[20]

Несомненно, что в Аргентине было предостаточно проблем, которые могли вызвать критическое отношение Николая – начиная с политического режима и кончая миссионером в Патагонии, который «ревностно занявшись закрепощением и наглой эксплуатацией туземцев под предлогом обращения их в христианство, успевши одновременно получить в собственность от продажного аргентинского правительства колоссальную земельную концессию, не уступающую по размеру иному герцогству с реками, портами, лесами, золотыми россыпями, завел свои океанские пароходы и создал во имя любви к эксплуатируемому меньшему брату колоссальное состояние». Попав в Австралию, Николай утверждал, что «Аргентина – республика ультраимпериалистическая, конституция в ней – мертвая буква, парламент абсолютно без оппозиции исполняет приказания фактического диктатора – президента. Политических партий нет, нет и борьбы за партийные принципы, которые даже для приличия не провозглашаются партиями; идет борьба за того или другого вожака. Олигархия – кучка «Distinguidos" (богачи-латифундисты) – правит страной, подчиняя себе все и всех. Администрация [осуществляет] произвол без границ. Суд – пошлая пародия на правосудие".[21]

Аргентинская республика оказалась не намного лучше его самодержавной родины. Разница была в том, что в Аргентине он имел возможность бороться против местной коррупции, в то время как изменить положение в России он не мог. Все, что ему оставалось – это писать о ней в своих стихах, без надежды увидеть их когда-нибудь опубликованными. Теперь, из аргентинского далёка, судьба России виделась ему все яснее. За годы добровольного изгнания в Аргентине он написал не менее пятидесяти стихотворений, включая несколько поэм. Ныне некоторые из них могут показаться слабыми и многословными, но в некоторых, особенно в тех, что он писал в форме народных стихов, он действительно смог подняться до поэтических высот. Впрочем, как кажется, форма стихов, их отделка, его не очень волновала, ведь муза, которая приходила к нему, была музой борьбы и мщения. «Поэт разрушенья – мне будет названье», писал он о себе; предназначенье поэта он видел в том, чтобы бичующим пером «рубцы выводить на титулованных шкурах»,

чтобы поднимать свою страдающую родину на борьбу.[22]

В центре поэзии Николая был русский народ. Ему довелось жить среди разных народов, и он никогда их не идеализировал, но в то же время никогда не подходил ни к одному народу с позиций расовых предрассудков, будь они евреями, американцами или узбеками. Даже во время русско-японской войны он не заразился шовинистическим отношением к японцам, охватившим в то время многих россиян.

Но только русский народ занимал в его сердце особое место. Он ясно видел все его пороки. «Забитый родной мне народ», – писал он, – вошедший в историю только благодаря одному своему свойству – терпению, с которым он выносил все свои страдания. Но было в его народе и нечто худшее. «Серая толпа, ... дика, бездушна и тупа» – народ, не принявший тех, кто пришел освободить его от угнетенья (а себя Николай относил к числу этих борцов):

Убоги, загнаны, слепы,
Нас наши братья не узнали,
И в заблужденьи роковом
Своим тиранам помогали.

И все же Николай любил этот народ таким, каким он был. Народ был для него квинтэссенцией Родины. В поэме «История государства российского» он воспевает свободную Россию прошлого и верит, что русский народ наконец-то пробудится и вернет свою прежнюю свободу. Он не щадит даже своих собственных предков – Рюриковичей, которые, по его мнению, учредив российское государство, лишили русских их свободы и достоинства.[23]

Если раньше у него были иллюзии, что перемены в России можно осуществить сверху, благодаря усилиям честных государственных служащих (таких, как он сам и его друзья), теперь, особенно после поражения революции 1905 года, глядя на события в России с диких склонов Анд, он все яснее осознавал, насколько больно это общество. Ничто больше не сдерживало его критику, не скрывало отвращения к высшим классам. Его саркастические «Великосветские заповеди» разоблачают их отталкивающую «мораль»:

«7. Сохраняй личину горделивую, еже украшахом ея позументами и белендрясами по елико можаху. Для сего дела важнаго и великаго, не щади ни чести своей, ни жены своей, ни дщерей своих, поелику все сие есть имение твое...

9. Величай царя твоего православнаго на собраниях многолюдныих и в приказах твоих, и в законах твоих, и во всех елицы суть письмена и словеса от тебя исходящия, возноси помазанника твоего горе. В собраниях же дружеских поноси его дерзостно и нещадно по достоинствам его, за великую глупость его, понеже снится тебе, что неугобжает до сытости алчность твою животную».

Никто из власть имущих не вызывал у него симпатии – ни чиновники, душащие Россию своей мертвой хваткой; ни коррумпированное сервильное «правосудие»; ни священнослужители, забывшие о Боге; ни генералы, грызущиеся за царские награды-побрякушки и позорящие русский флаг, поскольку они обратили оружие против своего собственного невооруженного народа; ни охранка, развратившая людей до такой степени, что там, где сойдутся трое, один из них наверняка будет стукачом; ни либеральные «реформаторы», которые строят свои реформы на костях и крови народа. И возглавлял всю эту шайку главный преступник – царь, «венчанный палач».[24]

Николай был убежден, что единственный путь, который приведет к прекращению народных страданий и рабства, будет «борьба кровавая» против угнетателей. В стихотворении «Умирающему борцу» (1906) израненный герой, совершивший террористический акт, не раскаивается о нескольких невинно убиенных во имя освобождения миллионов царских жертв. В другом стихотворении Николай утверждал, что власть имущих «сантиментами не проймешь», на них «динамит только действует малость». И главным преступником, заслуживающим казни, считал Николай, был царь. Но, наивно верил он, как только царь и его шайка будут сметены, утвердится царство «свободы святой», царство света, равенства и радостного труда.[25] Недовольство существующим порядком было в те годы «хорошим тоном» среди российской интеллигенции, и стихи Николая, написанные без внутреннего цензора, представляют собой интересный образец русского «радикализма». До октябрьского переворота, который должен был проверить взгляды Николая на практике, оставалось всего десять лет...

А тем временем жизнь их семьи в Корковадо шла своим чередом. В то время как в 1908 году Александра на год уехала в Россию повидать Марию и ее детей, Ариадна, которой едва минуло 18 лет, вышла замуж за Вильгельма Стейнкампа, сына их соседа – немецкого иммигранта. 6 сентября 1909 года у них родился сын. Продолжая игру с именами, начатую Николаем, они назвали его Гектором, в честь троянского воина, героя «Илиады». Согласно семейным преданиям Николай и Александра не одобряли брак Ариадны, но Ариадна и сама вскоре решила расстаться со своим мужем.[26] Впрочем, неудачный брак Ариадны не был в том году их главной заботой.

Эта фотография была сделана во время поездки Александры в Россию. Две девочки в передниках – дочери Марии.

Самым горьким была ловушка, расставленная аргентинским правительством, в которую они попали. Правительство, которое на первых порах обещало бесплатно дать в собственность участки земли первым поселенцам, пришедшим осваивать этот дикий край, теперь пошло на попятную. «Когда прошло известное количество лет, – писал Николай, – и я, и мои соседи, претерпев невероятные лишения и выдержав искус, хотели осуществить свои права, был оглашен новый декрет, который гласил, что “в виду того, что в Кордильерах (Андах) Патагонии в настоящее время уже образовалось ядро населения (т.е. единственно мы, привлеченные первым декретом), правительство не находит нужным давать кому-либо участки земли”». Итак, годы тяжелого труда были потрачены впустую, коррумпированная аргентинская «демократия» обманула их.

Николаю было уже почти шестьдесят лет, но он решился еще раз начать с нуля – в новом месте, в новой стране, на другом конце земли. Как раз в это время ему в руки попала брошюра австралийского правительства, рекламировавшая Австралию как благодатную страну, страну справедливости. И у Николая тут же возникло еще одно соображение, о котором вспомнила Нелли: «Когда мой дедушка узнал об Австралии, он подумал, что это подходящая страна, в которой можно организовать русскую колонию. И когда моя бабушка вернулась из России, они собрались и поехали».[27] Это был май 1910 года.

(*Продолжение следует*)

---

[1] Somerled Mackay, ‘Memoirs’, 1997, с. 2.

[2] Н. Ильин, Песни земли / Под ред. и с предисл. С. Голубя, Париж, 1910, с. 45.

[3] Ильин, Песни земли, с. 94–95 (стихи “Ручью” и “Ручей”).

[4] Ильин, Песни земли, с. 26, 38.

[5] Ильин, Песни земли, с. 102, 62

[6] Ильин, Песни земли, с. 5

[7] Надпись на фотографии, архив Флоры Хулихэн.

[8] Ильин, Песни земли, с. 33.

[9] Н.Д. Ильин – команде корабля «Лейтенант Ильин» 22.05.1894, РГА ВМФ, ф. 2, оп. 1, д. 7, л. 74.

[10] В.М. Лукин, ‘Ильин, Н.Д.’. – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь, т. 2, М., 1992, с. 413; Ильин, Песни земли, с. 5; Ромелий Ильин – Юрию Ясневу, корреспонденту «Правды» в Австралии, 11.10.1967, с.19. – Архив Ю.Н. Яснева, Москва

[11] Listado parcial de immigrantes [List of immigrants arrived on the *Mendoza* on 29 June 1897], Centro de Estudios Migratorios Latinoamericanos, Argentina; Ромелио Ильин – Ясневу, с. 14.

[12] В Аргентину в то время наряду с еврейской начала направляться и русская иммиграция. Ильин, в частности, поддерживал контакт со священником русской церкви отцом Константином Изразцовым.

[13] Ellen [Nellie] Dale Flores, ‘Memoirs’, 1996, с. 4.

[14] Н. Ильин, Письма из Австралии. – Новое время, 14 авг. 1913.

[15] Ильин, Песни земли, с. 5.

[16] Ромелио Ильин – Ясневу, с. 1, 5-10.

[17] Mackay, ‘Memoirs’, с. 2; Flores, ‘Memoirs’, с. 5.

[18] L. Illin, ‘Report of the Northern Territory’ [1912], NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, part 3, p. 56a; L. Illin, ‘Correspondence’, *Herbert River Express (HRE)*, 3 March 1942, 26 November 1936, 23 November 1940.

[19] L. Illin, ‘Correspondence’, *HRE*, 17 February 1942, 15 September 1938.

[20] L. Illin, ‘Correspondence. A Russian on Bolshevism’, *Cairns Post*, 3 March 1919.

[21] Ильин, Письма из Австралии.

[22] Ильин, Песни земли, с. 1, 42, 62, 68, 75–78.

[23] Ильин, Песни земли, с. 29–31, 43–45, 46–62, 84, 101.

[24] Ильин, Песни земли, с. 40, 43–45, 54, 64–65, 70–71, 78, 79–81, 82–89.

[25] Ильин, Песни земли, с. 17, 19, 35, 36, 60, 65, 78, 92–93.

[26] Somerled Mackay, ‘Genealogical Tree of the Illin Family’, 1996, с. 4.

[27] Ильин, Письма из Австралии; ‘New settlers for Queensland. Patagonian Welshmen’, *Cairns Post*, 23 March 1911; Flores, ‘Memoirs’, с. 6.